

УДК 930.23+82–94

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТЕЛИНА И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Хатип Миннегулов

Казанский Федеральный Университет,
420021, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация
E-mail: tatlit1103@mail.ru

Тюрки, в том числе и их предки – протюрки уже в Древности и Средневековье имели свои государства, накопили значительный политико-административный опыт по руководству и управлению страной. Их деятельность в этом направлении, обусловленная исторической реальностью, в той или иной степени отображена и в письменной литературе, в частности в рунических надписях, в сочинениях Юсуфа Баласагуни, Югнеки, Кул Гали и других авторов. Эта традиция была продолжена мастерами пера Улуса Джучи. Кроме того, они успешно усваивали интеллектуальные достижения Мусульманского Востока и через него некоторые духовные ценности греко-римской античности, особенно философско-нравственные мысли Платона и Аристотеля.

Как известно, Золотая Орда в течение своего двухвекового существования оставила глубокий след в истории государственности и духовной жизни народов Евразии, частично и Северной Африки (Мамлюкский Египет).

В дошедшей до нас письменной литературе Улуса Джучи нашли отражение различные проблемы общественной и духовной жизни. Среди них важнейшее место занимают вопросы связанные с правителем, его взаимоотношениями с подданными, а также проблемы создания такого общества, где царствуют «благоденствие», «счастье», «справедливость». Эти вопросы освещаются профессором Х.Ю. Миннегуловым на основе анализа сочинений ведущих тюрко-татарских писателей и поэтов Золотой Орды, как Рабгузи, Кутб, Хорезми, Махмуд Булгари, Хисам Кятиб, Саиф Сарай, Ахмед Ургенджи и др. Автор статьи подчеркивает, что почти все мастера пера хотели видеть в владетеле идеального, совершенного человека («кабил инсан») во всех отношениях, особенно справедливого, образованного, нравственно воспитанного человека. По их мнению, не народ, а государь (как «пастух» («чубан»), как лекар») должен служить подданным. В некоторых произведениях («Кыйссас ал-анбия», 1310; «Нахдж ал-фарадис», 1358) предпочтение отдается не просто владетелям, а пророкам – правителям. А в поэме «Джумджума султан» (1369) поэта-суфия Хисама Кятиба вообще осуждается и даже в определенной мере отрицается «султанская власть».

Писатели Золотой Орды призывают владетелей больше всего прислушиваться к мнению ученых, религиозных деятелей, напоминают им о быстротечности жизни, неумолимости смерти, о необходимости оставить после себя «доброе имя».

Ключевые слова: Золотая Орда, Сарай, древнетюркская литература, ислам, тюрки, татары, Рабгузи, Кутб, Хорезми, Махмуд Булгари, Хисам Кятиб, Саиф Сарай, Ахмед Ургенджи.

I

Золотая Орда – важнейший этап в истории тюрко-татарской государственности. Созданная в первой половине XIII в. она существовала в течение двух столетий, занимала большие территории от низовьев Дуная до Иртыша, от Северного Урала до Каспийского, Черного и Аральского морей. Если в последнее время очень актуализировалась идея евразийства, то основу ее в государственно-географическом плане составляет Золотая Орда. Хотя многие политические силы, авторы стремились игнорировать, не замечать или искажать место Золотой Орды в истории, хотя Улус Джучи и не стал Атлантидой, Золотая Орда сыграла значительную роль в последующей судьбе многих народов и стран не только Евразии, но и всего мира. Понятие «золотоордынская цивилизация» из года в год укрепляет свои позиции в трудах современных ученых [3].

Золотая Орда, с одной стороны, продолжила древнетюркские, частично и монгольские, китайские традиции государственного строя и культуры, с другой – интенсивно осваивала опыт и достижения Мусульманского Востока, в известной степени и творчески синтезировала их. Широкие международные взаимосвязи ее с Китаем, Индией, Византией, со странами Европы оставили заметный след в ее социально-экономической и духовной жизни. Особенно плодотворным было двухвековое сотрудничество с Мамлюкским Египтом, в котором правили выходцы из Дешти Кыпчака. Наличие множества городов в Улусе Джучи, функционирование в них учебно-культовых учреждений способствовали довольно высокому развитию письменной культуры в Поволжье и Приуралье.

К великому сожалению, лишь немногие письменные памятники, относящиеся непосредственно к Золотой Орде, известны современной публике; остальные или уничтожены, или до сих пор не обнаружены. Но даже по сохранившейся части можно видеть богатство и разнообразие духовного наследия Улуса Джучи. Это – ярлыки, «битики», эпитафийные надписи, словари, научные трактаты и др. В них имеются интересные факты и сведения, относящиеся к различным сферам жизни. В частности, в трехязычном латино-кумано-персидском словаре «Кодекс куманикус» (168 стр.), составленном в 1303 году в Сарае, кроме лексических единиц (2700 слов), представлено 46 загадок, религиозные тексты. Между прочим, язык «куманский» в тексте этого словаря назван татарским: «татар телгэ көнелди» («переведено на татарский язык»), «битик тилинчэ – татарча» («на книжном языке – по-татарски») [5, с. 936–937; 7, с. 101–103]. В.В. Радлов, тщательно изучив специфические фонетические особенности куманского (половец-

кого, кыпчакского) языка, убедительно показал его причастность к западным тюркским наречиям и сблизил с мишарским диалектом татарского языка (В.В. Радлов. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря // Записки РАН, СПб., 1884. Т. 1. Ч. 2) [5, с. 937]. В сочинениях (в основном – в путевых записях) иностранных авторов (Марко Поло, Ибн Баттута, Ибн Арабшах, Иосафат Барбаро...) также зафиксированы сведения об Улусе Джучи. Например, Ибн Арабшах (1388–1450) пишет, что Сарай (столица Золотой Орды. – Х.М.) – «город мусульманской постройки, чудная крепость». Он «сделался средоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась (такая) добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многолюдных частях Египта, ни в деревнях его... Это был один из величайших городов по положению (своему) и населеннейший по количеству народа». В сочинении Ибн Арабшаха упоминаются имена таких знаменитостей, как Кутб ад-Дин ар-Рази, шейх ат-Тафтазани, ал-Баззази, ал-Худжанди и других, которые жили в Сарае [5, с. 896–897].

Но подавляющее большинство дошедших до нас письменных памятников представляет собою художественные произведения. Среди них имеются и поэтические, и прозаические, и смешанные сочинения; есть дастаны, хикаяты, повести, стихотворный роман, газели, касыды, рубаи, поэмы, басни и др., а также оригинальные произведения и переводы. Следует подчеркнуть, что и переводы (в основном с фарси и арабского языка) содержат в себе множество оригинальных, творческих элементов, внесенных исполнителем – трансплантатором. Поэтому и такие «переводы» занимают важное место в истории словесного искусства Золотой Орды, так как они созданы, исходя из потребностей и запросов обладателей тюркского языка.

В художественных произведениях литературы Улуса Джучи отображены различные проблемы и стороны бытия, духовной жизни людей. Среди них важнейшее место занимают вопросы правителя, его отношения с подданными, а также размышления о государственном устройстве.

II

«Кыйссас ал-анбия» (1310. «Сказание о пророках») – первое дошедшее до нас крупное сочинение периода Золотой Орды, автором которого является Насреддин Бурханеддин улы Рабгузи, живший в восточной части Улуса Джучи во второй половине XIII – первой четверти XIV веков. Он работал кадием в Рабатугызе, и от этого названия местности получил свой псевдоним – тахаллус. Чтобы не путать с сочинениями под названием «Кыйссас ал-анбия» (их несколько) часто произведение этого автора называют «Кыйссаи Рабгузи». Оно широко распространялось среди тюрко-татарских читателей. Впер-

вые опубликовано в 1859 году в Казани. Далее следовали другие казанские издания [10].

«Кыйссас ал-анбия» – объемистое прозаическое сочинение с вкрапленными в него несколькими образцами поэтических текстов (касыда, газели, рубаи). Оно написано на основе образов и сюжетов из Корана, а также других источников. Состоит из 72 сказаний («кыйсса»), в которых повествуются деяния и поступки многих пророков (Нух, Муса, Иса, Ягькуб, Йусуф, Дауд, Сулейман, Мухаммад и др.), выделяются свойственные им черты характера. Повествование ведется образным языком, приведенные сюжеты увлекательны, впечатляющи. В произведении обильно использованы мифологические и фольклорные материалы, легенды. Все сочинение пропитано духом и идеями Корана, мусульманской религии.

Оставаясь верным традициям, в «Кыйссас ал-анбия» многие пророки представлены и как правители. Например, Сулейман наследовал царство от отца Дауда. Он, по словам Рабгузи, имел невиданную до него власть, знал тайное и скрытое, владел языками животных и птиц, с помощью особого волшебного перстня, подчинял себе джиннов. Автор постоянно подчеркивает, что сила, могущество, власть Сулеймана – результат поддержки его Всевышним, результат верности Аллаху. При изображении своих героев-пророков Рабгузи наделяет их многими положительными качествами, такими как справедливость, честность, правдивость и т.д. Его герои-пророки выступают не только как посланники Бога, но одновременно и как справедливые правители, заботящиеся о своих подданных. Дауд, для того чтобы знать истинное положение дел в своем государстве, переодевшись ночью ходил по улицам, спрашивал об управлении им государством (Аналогично поступает и халиф Харун ар-Рашид в хикаятах «1001 ночи»). Кроме того, эти образы в той или иной степени напоминают героев легенд, дастанов, сказок, особенно волшебных. В этом плане они сходны с мифологическими образами такими, как Каюмарс, Джамшид из «Шахнаме» Фирдоуси. В «Кыйссас ал-анбия» Фараон (Фиргавен), царь Египта, обожествлявший самого себя, не веривший в Бога, изображен жестоким тираном, преследовавшим и казнившим невинных людей.

В сочинении Рабгузи Мухаммад, на фоне других пророков, представлен как последний, наилучший посланник Бога, основатель религии ислама, средоточие всех положительных человеческих качеств, путеводитель мусульман.

Рабгузи, как и Баласагуни, Ясави, Бакыргани разделяет высказанную в третьей суре Корана мысль о том, что каждое живое существо обречено на прочувствование вкуса смерти [6, с. 87]. В его сочинении все, даже Сулейман, который жил более 1000 лет, не остаются в стороне от неумолимого потока времени, от распития чаши смерти.

«Кыйссаи Рабгузи» в течение многих столетий сыграл большую роль в удовлетворении духовных потребностей и запросов читателей и слушателей, оказал значительное влияние на последующее развитие литературы. В частности, Таджеддин Ялчыгол (1763/1768–1838), Каюм Насыри (1825–1904) и некоторые другие просветители творчески использовали сюжеты, мотивы, образы «Кыйссас ал-анбия».

III

Книга Рабгузи – религиозно-дидактическое сочинение. В отличие от него, стихотворный роман Кутба (1297 – середина XIV в.) «Хосров и Ширин» (1342), – если не учесть традиционные посвящения Богу, пророку Мухаммеду и его четырем сподвижникам, а также отдельные обращения к Всевышнему, вполне светское произведение романтического содержания. Оно написано на основе фарсиязычной одноименной поэмы Низами (1141–1209). Автор его – выходец из Среднего Поволжья (приблизительно – нынешняя Пензенская область, Мордовия) – завершил свой роман в Сарае. «Хосров и Ширин» Кутба впервые опубликовано в Варшаве в 1958, 1961 годах А. Зайончковским. За последнее полувековье он неоднократно печатался в Турции, Узбекистане, Татарстане... В частности, в 1969 году в Казани увидело свет его арабографичное издание [9]. Есть и поэтический перевод «Хосров и Ширин» на современный татарский язык, осуществленный Р.Г. Ахметьяновым [8]. Стихотворный роман Кутба в идейно-эстетическом, сопоставительном плане исследован Г. Тагирджановым, Х. Усмановым, Х. Миннегуловым [15; 13; 14, с. 43–52; 12, с. 69–100] и другими учеными.

Как в поэме Кул Гали, так и в романе Кутба главенствует изображение центрального героя, содержащего в себе основную идейно-эстетическую нагрузку, замысел автора.

В сочинении золотоордынского поэта освещаются жизнь и деятельность Хосрова от его рождения до смерти. В этом плане оно представляет собою биографический роман. Но эта биографическая линия тесно связана, даже переплетена со многими общественно-политическими, философско-нравственными вопросами. Кутб, как и Фирдоуси, Баласагуни, Кей Кавус, Низами, сторонник наследственности трона. Предки Хосрова – шахи Ирана. После смерти отца Хормуза он занял престол. Но, в результате дворцовых интриг, Хосров был свергнут. Его место занимает Бахрам Чубин, человек нешахского происхождения. Но через некоторое время традиционный порядок восстанавливается: Хосров снова становится шахом. Мухинбану – сестра («карендэше») Ширин – правитель одного из государств Кухистана («Абхаз»), также из «шахского рода» («аслы шахзадэ») [8, I, с.46].

Хосров не только по происхождению, но и по красоте («как Йусуф»), разуму, «учености», отваге, силе и по другим параметрам [8, I, с. 32–36] заметно выделялся среди остальных. Шахзаде пред-

стает перед нами как герой эпоса, сказок. При его изображении автор использовал приемы гиперболизации, чрезмерной максимизации. Уже в детстве и юности Хосрову не было равных: он во всем достоин быть шахом («Мөбарэк талигы – дәүләт мəkаны, Йөзендә билгелек шаһлык нишаны») [8, I, с. 32]. Хормуз сам был справедливым, скромным властелином; при нем народ не видел гнета, жил в спокойствии («Шаһ үз гадле үзрә торды... даим, Чыгай бай берлә нәрд уйнады...» «Золым камчысы китте... илдин») [8, I, с. 36]. Отец свой управленческий, нравственный опыт стремится передать своему сыну, при непослушании даже его наказывает.

Приход к власти труден, но удержать ее еще труднее. Царствование требует от властелина обширной политической, жизненной и нравственной подготовки. Хотя Хосров уже с детства и юности был подготовлен к власти, но все же ему не хватало достаточного жизненного, политического опыта. Из-за этого и его свержение с трона, и возвращение к власти, и его увлечение исфаганской красавицей Шекер, неровные отношения с Ширин.

Шатания Хосрова как человека и правителя в известной степени объясняются и его молодостью. Видимо, великий Аристотель не зря предупреждал, что «человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый» [1, с. 437].

Образ Хосрова изображен в процессе изменения, эволюции. Под влиянием любви Ширин шах постепенно избавляется от своих эгоистических качеств, становится справедливым, разумным правителем. Из уст Ширин Хосрову высказываются поучительные слова: «Будь справедливым («гадел кыйл»); «сделав добро, потом не причини зла» («Хәраб кыйлма золым берлә янә уш»); «старайся, чтобы люди не проклинали тебя», «не возгордись» («сән уш дәүләтеңә булма мәгрүр»), самое главное – забота о подданных [9, II, с. 396–397].

Уже античные и средневековые мыслители высоко оценивали роль ученых в обществе, неоднократно акцентировали свое внимание на необходимости прислушиваться к их советам. В знаменитом сборнике «Калила и Димна», основанном на древнеиндийской «Панчатантре», царь Дабшалим в результате общения с мудрецом Бейдеба освобождается от своих недостатков, еще глубже усваивает секреты руководства страной [13, с. 246–264]. О приближении ученых к государственным делам говорит и Юсуф Баласагуни. Продолжение этой традиции мы видим в поэме «Хосров и Ширин». Шах приглашает к себе мудреца Бозорг Умида. В беседе Хосрова и Ширин с этим человеком речь идет, в основном, о таких глобальных вопросах, как бесконечность и вечность Вселенной, о движении планет, а также о смысле жизни, о соблюдении меры, умеренности в своих поступках» [9, II, с. 398–405]. (В этом диалоге умело использованы отдельные образцы и минисюжеты из «Калилы и Димны»).

Уровень, судьба любого государства определяются положением женщин в обществе. Еще Платон отметил, что забота о потомстве дело государственной важности, что «потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать» [18, с. 211], что «женщины... должны плести жизнь, полную упражнений», «... в случае необходимости сражаться за государство и за детей» [18, с. 555–556]. В романе Кутба женщина поставлена на высшую общественную ступеньку государственной структуры. Как мы уже сказали, Мухинбану успешно правит страной. После ее смерти трон занимает ее сестра Ширин. При ее справедливом правлении «государство переживает радость» («Улус-ил гадле берлә шад булды»), устанавливаются изобилие, «дешевизна» в стране. «Благоденствие государства, – пишет Кутб, – зависит от желания шаха» («Булыр ил киңлеге шаһ ниятендин»), даже на солончаке растет богатый урожай («Күп ашлык уңар ул ел шур йирдән»). При справедливом властелине даже между несовместимыми существами (как, например, волк и овца) возникают дружба, согласие («Аның гадлендә бүре берлә куй су Эчеп йөрерләр ирде хуш янәшү...») [9, I, с. 189–190].

В истории очень редки случаи добровольного ухода из власти. Одной из таких является Ширин. Для нее любовь выше царства. («Гашыйклык берлә шаһлык раст килмәс» – «Любовь и царствование не соответствуют друг другу») [9, II, с. 316]. Она по своей воле оставляет трон и переезжает в Иран.

В поэме Низами из уст Мариамы высказываются унижительная оценка женщин, обвинение их в неверности [13, с. 119]. Кутб, не согласившись с таким мнением, пишет:

Тәлим хатун кем ирдин артукуы бар, –
Йирен табса, йөз ирнең эшен эшләр [9, II, с. 424].
Есть много женщин, превосходящих мужчин,
Которые при подходящем случае выполняют дело сотен мужчин.

Такое понимание роли женщин в той или иной степени обусловлено и общей ситуацией страны, где жил Кутб. По сведению Плано Карпини, Ибн Баттуты, Ибн Арабшаха и других путешественников женщины в Золотой Орде пользовались большим почетом и уважением.

Ширин – олицетворение красоты, ума, справедливости, смелости, нравственности; но самое главное для нее – это величественная любовь Хосрову. Несмотря на различные трудности, преграды, она остается верной своему любимому, даже не поддается чувствам знаменитого Фархада. Любовь Ширин духовно очищает Хосрова и он становится настоящим правителем. Но их счастливая семейная жизнь существует недолго: шах погибает от рук своего сына от Мариам – Шируи; после этого Ширин накладывает на себя руки и погибает. (В романе не упоминается о их детях. Хосров и Ширин уже в довольно солидном воз-

расте создали семью. Видимо, у них не было потомства). Такая трагическая концовка объясняется несколькими причинами. Во-первых, женитьба Хосрова на Мариам состоялась не по любви, а по политико-государственным расчетам, для воцарения на трон. Видимо, Шируя получил недостойное воспитание. Во-вторых, Хосров отказался встать на истинный путь, предложенный пророком Мухаммедом (Об этом пишет и сам автор в конце романа). В-третьих, такие трагедии присущи и самой жестокой реальности. В связи с этим возникает и другой вопрос. Как известно, свое сочинение Кутб посвящает хану Золотой Орды Тенибеку и его жене Малике [9, I, с. 22–28]. (Посвящения правителям – обычное явление для средневековых восточных литератур. Но одновременное восхваление властелина и его жены почти не встречается. В этом также проявляется уважительное отношение Кутба к женщинам). В своих мадхиях-восхвалениях автор создает их идеальные образы. Тенибек и по красоте, и по справедливости, и по мощи – бесподобный человек, ему нет равных («Тине юк, шиксез, ул барча жиһанда»), «народ Вселенной – тело, а ты – душа его» («Жиһан халкы – тән, ул тән эчрә жаны»), ты «выше Хосрова», «красивее Ширин», ты – «сегодняшний Сулейман». «Малика – «единственный, бесподобный» по красоте человек, сообразительна, умна, «осведомлена во всех науках». Кутб особо выделяет в них те черты, которые особенно необходимы для правителей: доброта, забота о других, равное отношение и к богатым, и к бедным, смелость. В то же время автор, как мудрый, опытный человек, дает советы по удержанию и укреплению власти, говорит, не верь «этому коварному миру», будь «бдительным». Видимо, Кутб был осведомлен политической ситуации в Сарае: Тенибек, правивший после смерти отца Узбека несколько месяцев, в начале 1343 года был жертвой дворцового переворота; ханом Золотой Орды стал его брат Джанибек (1343–1357). После него в течение 20 лет в качестве ханов Сарая сменилось 25 человек. Трагедия Хосрова и Ширин, – предупреждение автора Тенибеку о «жестокости» мира, как бы напоминание правителям о необходимости бдительности, осторожности.

Основная тема романа «Хосров и Ширин» – любовь. Уже во вступительной части его говорится, что любовь, присущая всей жизни, всей природе, – всеобщая категория; она «михраб небосвода», «причина появления волн», «водоворотов в море» («Гыйшкь берлә терек ошбу галәм, Эгәр гыйшкь булмаса, булмаз ирде адәм» – «Этот мир лишь благодаря любви живет, И не было бы любви, то не было бы человека») [13, с. 117]. При раскрытии проблемы правителя, его взаимоотношения с подданными Кутб исходит из такого понимания любви. В отличие от Баласагуни, Кул Гали и некоторых других авторов, он считает, что властелин должен испытывать чувство любви, влюбленности, без этих чувств он не может понять других, оценить ситуацию. Влюбленность облагораживает не только правителей, но и всех остальных. Например, Фархад не только своей красотой, сози-

дательным, творческим трудом, но и великой любовью к Ширин вызывает глубокое уважение и симпатию у читателей. Он оставил после себя «доброе имя», его могила стала местом паломничества для «народа страны» [9, II, с. 260].

IV

В оригинальной лирической поэме «**Мухаббат-наме**» («Послания о любви», 1353) **Хорезми**, как и в «Хосров и Ширин» Кутба, любовь трактуется как всеобъемлющая категория бытия, как цель и смысл жизни человека. Возлюбленная даже в какой-то степени обожествляется, мифологизируется. Возвеличиванием женщин возвеличиваются и человек, его переживания и чувства. Поэма Хорезми не зря считается ярким примером так называемого Восточного Ренессанса.

Хотя в «Мухаббат-наме» главенствует тема любви, но в нем имеется и мотив правителя, отображенный, в основном, в образе Мухаммед Ходжы бека, правителя восточной части Золотой Орды. По словам автора, его поэма написана именно по просьбе этого человека:

Создай же ныне, высказав уменье,
На тюркском языке произведенье.

Чтоб на закате нашей жизни брэнной
Мы этот дар оставили вселенной;
(Здесь и далее – переводы Р. Бухараева) [4, с. 14].

В традиционном вступлении «Мухаббат-наме» помещена «мадхия» Мухаммед-Ходже; в основной части поэмы, которая состоит из 11 наме («писем», «посланий»), а также из нескольких «газелей», «месневи», одного «хикаята», автор неоднократно упоминает имя этого «бека», обращается к нему.

Мухаммед-Ходжа – выходец из племени Кунграт («Конрат ыругы») [2, с. 147] – не независимый властелин, а только наместник золотоордынского хана Джанибека. Но он изображен в идеальном, долженствующем плане. Автор возвышает его образ почти до максимального уровня: он «величьем» как Сулейман, по красоте – Йусуф, по щедрости превосходит Хатаме-Тая, «отвагой и мужеством» – Рустама, «на поле боя он как сам Али». Хорезми сравнивает «бека» даже с легендарным Джамшидом: «Мөхәммәд бик – Жәмшид-и сани» (второй; «ровня») [2, с. 153]. Автор называет его «желанным народным ханом» («халык ханы») [2, с. 153]. В поэме особенно акцентируется внимание на героических поступках бека: «Войска твои, опора мусульманства», «Твой грозный взор сверкает, как зарница»; «На бой идешь ты в страсти благородной, Как на овечьем стаде волк голодный» [4, с. 16–17]. Как и другие «идеальные» правители, так и Мухаммед-Ходжа – справедливый, разумный властелин («Улус тоттың камуг гаклың көчендин» – «Держал государст-

во благодаря своему уму»), «душа государства» («Үзрә жансыз тән ирде мөлки синсез» – «Без тебя страна (как будто) тело без души).

Хорезми жил не только в юго-восточной части Улуса Джучи, но и в Сарае, Астрахани, путешествовал по странам Ближнего Востока: был в Дамаске, Иерусалиме, Руме (Византии)... Писал и на фарси. Между прочим, отдельные части «Мухаббат-наме» написаны на персидском языке. Из большого творческого наследия Хорезми, кроме вышеназванной поэмы, сохранилось еще одно произведение, написанное в жанре касыда. В нем автор, на фоне ярко и красочно изображенной природы, в анакреонтическом духе воспеваает значимость светской жизни. По его мнению, никто не вечен в этом мире, даже Сулейман, которому подчинялись дивы и бесы («...ана мөсәххәр иде див һәм пәри»). Поэтому необходимо прожить данные тебе годы полнокровной жизнью. Касыда заканчивается утверждением живучести поэтического слова:

Харэзминен гәр тәне тупрак булса һәм
Атын тере тотар жәһан эчрә сүзләре [19, с. 255–256].

Произведения Хорезми были популярны среди читателей, оказали влияние на последующее развитие тюркского словесного искусства. Саиф Сараи (1321–1396) написал назиру на касыду поэта. Имеются поэтические произведения Худжанди, Саид Ахмада, Кандали, Дердменда и некоторых других авторов созданные на основе творческого использования «Мухаббат-наме». Поэма Хорезми неоднократно печаталась в оригинале и переводах.

V

В отличие от некоторых произведений, которые долго находились в забвении и потом только были восстановлены, поэма **Хи-сама Кятиба «Джумджума султан»** (770/1369) непрерывно была в диалоге с читателями и слушателями, распространялась в рукописях, затем – в печатной форме. Первые ее издания появились в 1872, 1881 годах в Казани. Имеются и переводы на русский [4, с. 73], турецкий, английский языки. Автор этого произведения жил в середине и во второй половине XIV в. в Поволжье. Есть сведения о том, что он, как и Махмуд Сараи Гулистан, Саиф Сараи, Берке Факих и некоторые другие поэты и ученые Улуса Джучи, конец жизни провел в Мамлюкском Египте.

«Джумджума султан» – оригинальное, высокохудожественное, поэтическое сочинение, написанное бейтами – (двустигиями) строфами, в каждой строке которых по 11 слогов. По жанру его называют по-разному: дастаном, поэмой, иногда и хикаятом, кыйссой. Эпическое повествование чередуется с философскими размышлениями, лирическими отступлениями автора и персонажей.

Сочинение Хисама Кятиба [20] начинается с философского размышления – монолога автора об ограниченности человеческой жизни. Перечисляются имена известных пророков и властелинов как Адам, Нух (Ной), Джамшид, Дакьянус (римский император Диоклетиан), Фаридун, Хосров, Ширин, Зулкарнайн (Александр Македонский), Науширван, Махмуд Газнави, Ибрагим Адхам, Чингиз... Каждый из них держал этот мир, но в конце «оставив все, ушли в потусторонний мир Завернутыми в одном куске бязи – саване» [20, с. 33].

В мир пришел – уже готовься уходить,
Поспешай по мере сил добро творить [4, с. 52].

Далее начинается сюжетная часть поэмы. Однажды пророк Иса во время путешествия «на сирийской пустыне увидел череп человеческий». Заинтересовавшись, обратился к Богу с просьбой узнать историю черепа. При посредстве Джабраила его просьба была выполнена. Далее начинается диалог между Исой и Джумджумой, который составляет композиционную структуру поэмы.

Джумджума – султан большого государства, обладатель огромного количества подданных (слуг, чиновников, воинов...). При перечислении их автор, как Баласагуни, Кул Гали, пользуется приемом передачи качества через количества (имел «сорок тысяч везиров», «семь тысяч музыкантов», «десять тысяч жен...»). Его столица, дворец своим величием, красотой изумляли всех. Хисам Кятиб описывает справедливое управление Джумджумы, его щедрость, внимательность, ученость, доброту, красоту, отвагу ... («Был подобен я сиянием луне, Знаток наук я слыл в своей стране»; «Всех, кто шел ко мне, отчаясь, – выручал, Всех, кто шел ко мне, печалясь, – привечал;» «День и ночь я не чурался добрых дел, О голодных и убогих я радел») [4, с. 56]. Но однажды он не выполнил просьбу одного «бедняка» («фэкыйрь») и за это был наказан смертью. После страшных пыток бросают его в огонь ада. Значительное место поэмы занимают изображения «кругов...» ада, описания различных видов наказаний... По словам Джумджумы, он жил на свете «1000 лет», в аду находился «четыре тысячи лет». По велению Всевышнего, его в «виде черепа» возвращают на землю. В такой форме он живет в течение «70 лет».

Трагическая история Джумджума султана взволновала Ису: по его просьбе череп получает прежнюю человеческую форму.

Поэма Хисама Кятиба названа именем султана-правителя. Его образ занимает центральное место в дастане. И начало поэмы содержит описание имен известных властелинов. Но все это подчинено одной идее: правители, как и все остальные живые существа, рано или поздно обречены на гибель. Кем бы ты ни был – богатым, бедным, старым, юным, султаном, рабом – все равно уходишь в землю. Все люди превращаются в прах.

С каждым шагом, попирая лик земли,
Топчем лица, прахом легшие в пыли...

...Сколько их уж приняла земля сыра,
В ней лежат они дни, ночи, вечера.

...Нищ, богат, велик, ничтожен? Не узнать,
Раб, султан, ходжа, вельможа? Не узнать [4, с.52–53].

Как и Одгурмыш из поэмы «Кутадгу билиг» Баласагуни, лирический герой стихотворений Ахмеда Ясави, так и Хисам Кятиб утверждает, что человеческая жизнь коротка, преходяща, поэтому не следует обольщаться венцом, богатством, земными удовольствиями, необходимо постоянно думать о Боге, потустороннем мире, готовить себя к смерти. – Это идеология суфизма. Ею пропитана вся поэма Хисама Кятиба. Даже поэтические фигуры, тропы подчинены идее суфизма. Во вступительной части, при перечислении пророков, властелинов, многие строки, ритмические звенья начинаются словом «кани», т.е. где? («Кани ул Адәм? Кани Нух вә Хәлил» «Кани Чингиз?») [20, с. 32–33]. Эти повторяющиеся слова-анафоры, последующие за ними восклицательно-вопросительная интонация усиливают фатализм и обреченность людей. Вы думаете, что после воскрешения Джумджума будет претендовать на престол, на богатство? Нет! Он встал на праведный путь, в течение 70 лет жил в пещере, молился; умер мусульманином. Исполнив свой долг, он оставил на свете свое «доброе имя» [20, с. 55].

Многие более или менее объемистые сочинения Средневековья посвящены правителям. А в произведениях суфийского содержания, как правило, в том числе и в поэме Хисама Кятиба, такого традиционного восхваления нет. По мнению суфийских авторов, властелины – тоже рабы божьи: поэтому, как говорил Одгурмыш – персонаж Баласагуни, «Позор, если раб служит тоже рабу!» [21, с. 288].

Поэма «Джумджума султан» в генетико-типологическом плане созвучна с произведениями Вергилия (70 г. до н.э. – 19 г. н.э.) «Энеида», Аттара (1119–1223) «Джумджума-наме», Данте (1265–1312) «Божественная комедия», в которых нашли отражения круги ада, картины наказания людей. Зафиксированная в поэме Хисама Кятиба пословица «Что посеешь – то и пожнешь» («Һәркем ирсә нә иксә – урғай аны») выражает общую идейную направленность произведения золотоордынского поэта. За свои поступки каждый человек в ответе: добро оплачивается добром, зло – наказанием. Например, в аду, описанном Хисамом Кятибом, «высокомерных», «гордых» вешали за ноги, у судей, выносивших ложный приговор, отрезали языки. Характерно то, что султанов, правителей бросали в самый страшный огонь ада. Они говорят «если бы знали мы это, то довольствовались бы бедностью» («Рази ирдүк кем гидай булсак иде») [20, с. 52].

Традиции Хисама Кятиба были продолжены Умми Камалом (умер 1475 г.), Кулшарифом (умер в 1552 г.), Шамсуддином Заки (1821–1865) и другими поэтами.

VI

Каждое сочинение Золотой Орды, с одной стороны, представляет собою особый мир, имеющий свое содержание, свою идейно-эстетическую ценность. Но, с другой стороны, они или в содержательно-структурном, или в идеологическом плане в определенной степени взаимосвязаны, созвучны друг другу. Характерным примером этой близости является «**Нахдж ал-фарадис**» (1358. «Путь в райские сады») **Махмуда Булгари** (1297. – 22.03.1360. Махмуд ибн Гали ал-Булгари ас-Сараи ал-Кердери...). Это произведение по структуре, образной системе схож с «Кыйссас ал-анбия» Рабгузи, по суфийской направленности созвучно поэме Хисама Кятиба.

Махмуд Булгари – выходец из религиозной семьи – родился в окрестностях Булгара, там же учился. Долгие годы жил в столице Золотой Орды в Сарае. Там же умер. Был очень уважаемым человеком, наставником многих ученых и религиозных деятелей. Как и у большинства авторов Древности и Средневековья, так и у Махмуда Булгари, из богатого письменного наследия сохранилось лишь одно произведение, которое, как и «Кыйссас ал-анбия» и «Джумджума султан», было очень популярно среди читателей Поволжья и Приуралья. Интересно то, что сохранилась рукопись «Нахдж ал-фарадис», составленная в марте 1360 года в Сарае Мухаммедом ал-Хорезми [11, с. 379]. (Иногда этого переписчика отождествляют с автором Мухаббат-наме» Хорезми). Имеются также рукописи, относящиеся к 1390 году, а также последующим векам. Полный текст (фотокопия) рукописи 1360 г. «Нахдж ал-фарадис» впервые опубликован в виде отдельной книги в 1956 году в Анкаре Яношом Экманном. В 2002 года на кириллице увидело свет казанское издание сочинения Махмуда Булгари [11]. Исследованием «Нахдж ал-фарадис» занимались Ш. Марджани, Б. Яфаров, Я. Экманн, Ш. Абилов, Э. Наджип, Х. Миннегулов, Э. Фазилов, Ф. Нуриева и другие тюркологи.

«Нахдж ал-фарадис» – религиозно-дидактическое прозаическое сочинение, состоящее из четырех глав («баб»), которые в свою очередь разделены на 10 «фаслей» (Всего их – 40 разделов). В первых двух главах повествуется жизнь и деятельность пророка Мухаммеда и его семьи, биографии первых халифов (Абу Бакра, Омара, Османа и Али), а также первых имамов (Абу Ханифа (Куфи) (699–767), Имам аш-Шафиги (767–820), имам Малик (713–795), Имам Ахмед Ханбал (780–855]). В третьей главе речь идет о качествах и действиях, приближающих к Богу (намаз, ураза, хадж, зякат, уважение родителей, терпение и др.). Последний баб посвящен поступкам, которые отдаляют человека от Всевышнего (невинное пролитие крови, прелюбо-

деяние, употребление спиртных напитков, высокомерие, ложь и клевета, погоня за мирскими благами, лицемерие, злопамятность и т.д.). В книге в качестве иллюстрации, доказательств приведено множество поучительных примеров, сюжетов, а также высказываний известных, авторитетных ученых, шейхов, писателей. Среди них доминируют коранические материалы, хадисы – изречения пророка. Как правило, хадисы, аяты в начале приводятся в оригинале (т.е. на арабском языке), далее они переводятся, комментируются. Структура сочинения обусловлена высказыванием пророка Мухаммеда о том, что если кто-нибудь доводит 40 хадисов до других, то такой человек причисляется к разряду ученых-избранных, после смерти попадающих в рай.

Интертекстуальность – одна из основных композиционных особенностей «Нахдж ал-фарадис». В нем, кроме Корана, хадисов, использованы сочинения более двадцати авторов Мусульманского Востока: Исмаил ал-Бухари (810–870. «Ас-Сахих»), Имам ат-Термизи (XI в., «Джамигъ»), Имам Багави («Масабих»), Имам Сагани («Машарикун-анвар») и др. Махмуд Булгари особенно часто ссылается на сочинение Абу Хамида ал-Газали (1058–1111) «Ихйа гулум ад-дин» (Вообще, имя и труды этого великого теолога, философа в течение многих веков были очень популярны в тюрко-татарском мире). Среди приведенных текстов-цитат имеется и отрывок из «Абу Давуди Сахани» [11, с. 194]. По всей вероятности, это тот самый ученый – выходец из болгарского города Саксина – Дауд Сулейман Саксини (XII в.). Все эти взятые из других источников материалы, цитированные тексты Махмуд Булгари умело использует, обрабатывает, систематизирует, согласует с общей идейно-эстетической концепцией книги.

По количеству действующих персонажей, упомянутых имен, наверно, «Нахдж ал-фарадис» не имеет себе равных в тюркоязычной литературе Средневековья. В нем выступают множество пророков (Адам, Сулейман, Гайса, Ибрагим, Муса, Йусуф..., и, конечно, Мухаммед...), религиозные деятели, ученые, мифологические образы, ангелы (Джабраил...), легендарные личности (Лукман Хаким, Ибрагим Адгам...), а также властелины (Харун ар-Рашид...). В сочинении Булгари, наряду с правдоподобными, реалистическими образами, картинками, представлены и сказочные, мифические, фантастические типы, эпизоды. В частности, пророк Мухаммад, в сопровождении ангелов Джабраила и Микаила, осматривает рай и ад; на него особенно сильно действует процесс наказания грешных в аду. Среди них есть лица, занимающиеся употреблением спиртных напитков, прелюбодеянием, ростовщичеством, а также лицемеры, притеснители людей... [11, с. 71–73]. Эти минисюжеты в определенной степени сходны с картинками изображения ада в поэме Хисама Кятиба.

Как известно, многие пророки, а также халифы одновременно были предводителями своих соплеменников, определенных сообществ людей, государств. При изображении их Махмуд Булгари стре-

мился реализовать свои общественно-политические, нравственные идеалы, утверждая идеи справедливости во взаимоотношениях людей, в том числе между правителями и подданными. В поступках пророков, халифов иногда проявляется их чудодействие. Например, при помощи своего посоха Муса и его племя без труда перешли реку, а войско Фиргауна (Фараона) утопло.

Если Ширин – героиня романа Кутба – любовь ставит выше трона, то пророки-правители, халифы в «Нахдж ал-фарадис» предпочтительнее относятся к постулатам религии, к вере в Бога. Знаменитый халиф Харун ар-Рашид при разговоре с Имамов Шафиги уступает ему трон [11, с. 172]. По мнению пророка Сулеймана, «трон и царство – все преходящи, а божественное словоечно» [11, с. 332]. Как и в сочинениях Баласагуни, Кул Гали, так и Махмуд Булгари считает, что царствование («хэлифэлек») дается с согласия Бога, поэтому правители должны быть особенно справедливыми (Абу Бакр был именно таким халифом) [11, с. 113].

В поэме Хисама Кятиба утверждается мысль о бренности земной жизни, отрицается богатство, осуждается властность. Такой критический взгляд частично разделяет и Махмуд Булгари. Опираясь на хадис Мухаммеда, Имам Абул Лейси Самарканди говорит, что «этот мир – зиндан для мусульман» [11, с. 130]. Персонаж одного из хикаятов, который находится в тюрьме, сожалеет, что не довольствовался куском хлеба, поддался своим страстям, воровал [11, с. 250–251]. В «Нахдж ал-фарадис» в той или иной степени идеализируются набожность, аскетизм суфиев, шейхов, дервишей. Но, в целом, Махмуд Булгари – сторонник умеренного пользования жизненными благами, властью.

«Нахдж ал-фарадис» характеризуется богатством языка, разнообразием стилистических форм. Довольно-таки успешно построены диалоги.

Сочинение Махмуда Булгари сыграло значительную роль в развитии прозы в тюрко-татарской литературе. Его сюжеты, образы использовались последующими авторами, в частности Таджеджином Ялчыголом в «Рисалаи Газиза», в хикаятах Каюм Насыйри.

Как известно, история Йусуфа и Зулейхи получила широкое распространение в тюрко-татарском словесном искусстве. В этом большая роль не только поэмы Кул Гали, но и сочинений Рабгузи и Махмуда Булгари, так как в них имеется несколько сюжетов, связанных с Йусуфом и Зулейхой. Легенда о Кабиле, Хабиле и Аклиме, их трагическая судьба, описанная Махмудом Булгари, творчески использованы в трагедии Хади Такташа (1901–1931) «Сыновья земли».

VII

Образы властителей, вопросы управления страной отображены и в творческом наследии **Саифа Саран** (1321–1396), поэта родившегося,

выросшего и жившего в Поволжье (в «Камышлах», Сарае...). Последние годы жизни он провел в Мамлюкском Египте. Его произведения, зафиксированные в двух рукописях («Китабе Гулистан бит-тюрки» и «Ядгярнаме»), хорошо известны современным читателям, неоднократно изданы в Турции, Будапеште, Казани, Ташкенте, Алма-Ате...; имеются и переводы, исследования (изучением творчества С. Сарая долгие годы занимался и автор этих строк) [16; 19; 13, с. 130–158].

Из дошедших до нас сочинений С. Сарая самым крупным считается «Гулистан бит-тюрки» (1391), созданный на основе знаменитого «Гулистана» (1258) Саади Ширази. «Тюркский Гулистан», как и его персоязычный оригинал, состоит из традиционного «Вступления», «Окончания» и основной части, ... («баб»): I – о жизни правителей; II – о правах дервишей; III – о преимуществах довольствования малым; IV – о преимуществах молчания; V – о любви и молодости; VI – о старости и слабости; VII – о влиянии воспитания и VIII – о правилах общения. Эти композиционные структуры в свою очередь разделены на хикаяты, хикметы, насихаты (наставления). Их около 200. Эти тематически сгруппированные хикаяты фактически являются самостоятельными сюжетными единицами. В них прозаические части представлены в сочетании со стихотворными текстами.

Даже названия глав («баб») показывают тематическую широту и идейное разнообразие «Гулистана бит-тюрки». Автор в художественно-образной форме дает поучительные уроки по различным вопросам (особенно нравственным) жизни и бытия, учит достойно жить своих читателей. В этом отношении «Гулистан...», как и «Кутадгу билиг» Баласагуни, «Кабуснаме» Кей Кавуса, является «зерцалом», учебником жизни.

Сочинение С. Сарая посвящено эмиру Мамлюкского Египта Батхас (Тайхас) беку, исполнявшему, как Юсуф Баласагуни, обязанности руководителя («хаджибел-худжаб») государственного аппарата султана Мамлюкского Египта [19, с. 45–46]. Он, хотя всего лишь эмир, занимающий не первое место в иерархической структуре власти (как Мухаммед-Ходжа бек в «Мухаббат-наме» Хорезми), характеризуется как самостоятельный властелин. В мадхии-посвящении создан идеальный образ-портрет правителя. Ему присущи почти все положительные качества и черты совершенного человека («камил инсан»), царя эмира (в подстрочном переводе Э.Н. Наджипа):

Постоянно он совершает добрые дела для народа
(Игелектер дэмбэдэм илгэ эше);
Высокий сан и богатство, завоевания и победы – его дела.
Он – родник милостей и благородных качеств.
Его доброе имя постоянно на языке (у людей)...
Для каждого он, как душа, и любим народом,
А в правосудии он волосок расщепит.
...Ты – разрывающий строй войск герой,

Ты – герой, показавший доблесть среди доблестных [17, I, с.59–60].

Ты в щедрости Хатаме Таи нашего времени
(Жуд эчендэ Хатэми Тайи заман) [19, с. 45].

Авторы «Гулистана...» Саади и С. Сарай хорошо знают роль власти, правителей в обществе. Не зря первая глава специально посвящена властелинам, где освещаются деяния и поступки султанов. И в остальных частях книги часто затрагиваются проблемы правителей.

В «Гулистан бит-тюрки», как и в персоязычном тексте, изображены различные типы и образы обладателей власти. Среди них есть справедливые и злые, образованные и невежды, добрые и коварные... В отдельных хикаятах представлены мифологизированные, фольклоризованные образы таких исторических властелинов как Искандер Зулкарнайн (Александр Македонский), Сулейман, Науширван, Харун ар-Рашид, Махмуд Газнави, Махмуд Хорезмшах и др.

В «Гулистан бит-тюрки» иногда упоминается быстротечность жизни: «это земля съела скольких правителей! Если через некоторое время раскопаешь могилу, не знаешь, кто там лежит: султан или нищий?!» («Берничэ көн сабыр кылгыл кем, бу йир, Эй ничэ фиргэун мэгэзен (миен) тазэ йийр. Бер кеше бакса ачыб гүр эченэ, Белмэгэй: йаткан мәликме йэ гадэ?!») [19, с. 81]. Но в целом данное сочинение – светского, жизнеутверждающего характера. В нем в оптимистическом духе воспевается земное бытие людей: их радости и горести, поступки и переживания... Из контекста «Гулистана» вытекает мысль о том, что, несмотря на трудности, негативы, жизнь интересна, приятна.

Как и Платон, Аристотель, ал-Фараби, Баласагуни, так и Саади и С. Сарай во главу угла деятельности властелинов, ставят принципы справедливости, доброты. По их мнению, государь для народа, подданных является (как) пастухом овец (куй), его главное назначение – для службы стаду («Куй дэгел чубан өчен..., Бэлки чубан куйлара хезмэт өчен») [19, с. 81]. Тирана они уподобляют волку («корт»), который никогда не может быть «пастухом овец» [19, с. 57]. Обращаясь к властелинам, С. Сарай пишет, «власть, богатства переходят из рук в руки», и «при наличии мощи Сулеймана, не обижай даже муравья» («...Йөрер илдэн илэ ул жаһ вэ дүүлэт: Карынча хатырен азар кылма, Сөлэйманча илендэ булса кувэт») [19, с.81]. «Злые люди, угнетатели не могут быть султанами» («Кем золм илен озайтса, солтан булырмы, – булмас!») [19, с.57]. Правитель, который не в согласии с подданными, вредит народу, улусу, теряет государство, сам себя бросает в ад. «Если хочешь избавиться от опасностей, заботься о своем народе» («Котылмага телэсэң хэүф илендэн, Рэгыйэт халенэ йахшы бакадыр») [19, с. 60].

Как известно, успешное управление страной в значительной степени зависит и от деятельности членов государственного аппарата, подчиненных султана, а также ученых. В «Гулистане...» приводятся примеры различных типов везирей, предводителей войск, ученых, религиозных деятелей и др.

При освещении проблемы властелина С. Сарай не ограничивается лишь изображением, упоминанием правителей прошлых эпох, но и обращается к деятельности своих современников. Одним из таких образов является Тимур (Аксак Тимур (1336–1405)) – среднеазиатский властелин, – вошедший в историю как завоеватель, как предводитель жестоких военных походов на соседние страны, в том числе и в Золотую Орду. Оригинальная поэма С. Сарай «Сухайль и Гульдурсун» (1394) начинается с описания ужасов войны, начатой Тимуром в 1388 году против восточной части Улуса Джучи Хорезма, конкретнее, с захвата города Ургенча:

Тимур Үргәнжә тартыб килде ләшкәр,
...Күреб күз күр булыб, калды колак кәр.

Кузутты жәнг белән галәмдә туфан,
Акытты су тикин йир үзрә күп кан.

Игенче өвләре йакылды утга,
Бодай саврылды, туфрак булды ботка [19, с.276].

Подстрочный перевод:

Тимур с войском ворвался в Ургенч,
Увидев это (ужас), глаза ослепли, уши оглохли.

Сражением, подобно потоку, разворотило мир,
Текла, как вода, по земле кровь.

Дома землешцев были подвергнуты огню,
Пшеница (хлеб) потравлена, земля стала как каша (т.е. в земле все смешалось).

По оценке автора, это – «горе эпохи» («дәүр жәфасы»). В поэме его ужасные последствия показаны через конкретные судьбы, при помощи взаимоотношений двух влюбленных – Сухайля и Гульдурсуна. Символично то, что они – представители двух противоположных сторон. А любовь преодолевает всякие преграды: парень и девушка не только любят друг друга, но жертвуют собой во имя великой Любви. Таким образом, в поэме «Сухайль и Гульдурсун» Тимур представлен как воплощение зла, как тиран. С. Сарай и в другом произведении, написанном в жанре рубаи, разоблачает жестокости этого завоевателя, который создал гнетущее время («жәфачы дәуран»), заставлял людей проливать «кровавые слезы» («...халкы жиһан күзәндән ал кан килде» [19, с. 8]. Аналогично изображен Тимур и в стихотворении другого золотоордынского поэта (слепца)

второй половины XIV в. – **Ахмеда Ургенджи**. У него есть специальное стихотворение, созданное в жанре сатиры («hөжү»), озаглавленное «Эти бейты написаны о мирозавоевателе Хромом Тимуре» («Ошбу эбъят жиһангир Тимерлэнгэ йазылмыш ирде») [19, с. 273]. Оно начинается следующими словами:

Эй залим вэ канхур, вэ тэмуг ут йакары, бибаш,
Таки акады Жэйхун илэ Сэйхун тула күз яшь?!
(Эй тиран и кровопийца, достойный адского огня, безмозглый,
До каких пор ты заставляешь проливать кровавые слезы полные
Аму и Сыр-Дарьи?!)

Далее говорится о страданиях и горе народа. Автор, обращаясь к Тимуру, пишет: «За свои жестокости ты рано или поздно получишь наказание страны» («Белгел ки, килмэйен калмас илдин сиңа һәм жэза»), отравленную свою пищу сам будешь есть («Зэһәр салган ашымыза ахыр үзе эчәде»), поднятый тобой тяжелый камень упадет на твои же ноги («Кем күтәрсә агыр таш, төшәр үзенең айагына»). Ахмед Ургенджи, как и его предшественники Баласагуни, Кутб, современник Саиф Сараи, при освещении взаимоотношений правителя и подданных использует образы овец, пастуха и волка. Для него Тимур – это как волк. Он, несомненно, получит удар палки пастуха («Куйлара килгән корт очрар чубан тайагына»). Сатира Ахмеда Ургенджи заканчивается оптимически. Имея в виду Тимура, он подчеркивает, что «Бог, услышав страдания Ахмеда, бросит тебя в ад, А нам на земле останется шах дружбы и справедливости» («Әхмәд аһын тыңлаб Алла сине тэмуга салыр, Дөһйәда безә дустлык, гадаләт шаһы калыр»). Другое стихотворение Ахмеда Ургенджи общественно-политического звучания, в который современная автору жизнь изображается как кошмарный сон, где деспоты топчат «семена справедливости», где воруяют, проливают кровь, заканчивается верой в будущее:

Качан тынычлык гөле йортга сачелгай,
Шу(л) дәм Әхмәдне(ң) дә күзе ачылгай.
(Когда цветок мира расцветет
(т.е. установится мир) в стране,
Тогда и раскроются глаза Ахмеда
(может прозреть))

Мотив разоблачения агрессивной, антигуманной деятельности Тимура разрабатывается и в дальнейшей тюрко-татарской литературе, в частности в стихотворениях казанского хана Мухаммед Амина, поэта XIX века Гали Чукрия и др. При этом, ради исторической справедливости, следует отметить, что в деятельности Тимура имеются и положительные стороны. Он много сделал для народов Средней Азии в сфере их государственности, в строительстве великолепных дворцов и сооружений, в развитии науки и культуры.

В сочинениях Саифа Сарай, Ахмеда Ургенджи часто встречаются слова, обозначающие понятие страна, Родина, родная земля... (Ил, йорт, өй, Ватан, улус, туган йир...). Автор поэмы «Сухайль и Гульдурсун», как мы уже писали, последние годы своей жизни провел на чужбине, на берегах Нила. Его переезд был вынужденным. Саиф Сарай расставание с Родиной («Ватан») переживал очень болезненно:

Үсүб туфрагым үзрә нәйзәләр, бән өвдин айрылдым,
Ватандин бинишан улдым да үзгә йортка әврелдем.
Ничүк мәнә фәләк жәүр әйладе, кандай гөнаһым вар?!
Илаһи, әйлә кәм жәүрең, бән илгә садикь ул ир(и)дем [19, с. 274–275].

Когда над моей землей выросли копья
(т.е. произошли войны), я разлучился со страной,
Лишившись Родины, я стал человеком чужой страны.
Почему судьба мне принесла столько горя, какие у меня грехи есть?

О Боже, убавь мои страдания, ведь я
был верным сыном своей страны.

«Камышлы йорт» (т.е. место рождения поэта) для С. Сарай «его родная страна» [16, с. 274]. Большинство писателей Золотой Орды в качестве своих тахаллусов-псевдонимов получали названия городов своей страны: Рабгузи, Саиф Сарай, Махмуд Булгари, Махмуд Сарай Гулистан... Все эти факты показывают, что мастера пера остро чувствовали свою принадлежность к своей Родине – Золотой Орде, ущемляющих ее интересы (например, Тимура) оценивали крайне отрицательно:

* * *

В целом, Золотая Орда сыграла важную роль не только в истории тюрко-тюркской государственности, но и в ее литературе. Словесное искусство Улуса Джучи, продолжая традиции предшествующей тюркоязычной литературы и критически осваивая опыт и достижения Мусульманского Востока, добилось больших успехов в художественно-эстетическом отображении человеческой жизни, идеалов людей, в том числе в рассмотрении вопросов, связанных с управлением страной, организацией государственной структуры. Многие мастера пера были сторонниками такого государства, в котором каждому человеку создаются условия, чтобы жить благополучно, счастливо, в котором властелины правят на основе нравственных, гуманистических принципов. Поэты и писатели наставляют венценосцев, советуют им не быть злыми, несправедливыми, жестокими, дабы не навлечь на себя гнев Всевышнего и недовольство народа, подчиненных.

В литературе Золотой Орды наблюдается возрастание интереса к действительности, усиление чувства принадлежности к своей стране.

Словесное искусство Улуса Джучи оказало определенное влияние на творчество некоторых авторов других тюркских регионов, как, например, на Ахмеди, Дурбека, Насими, Лутфи, а также на последующее развитие тюркских литератур, в частности на Навои, Мухаммедьяра и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1392 с.
2. Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы / Төзүчесе Хатип Госман. Фәнни редакторлары Х. Миңнегулов. Казан: КДУ нәшр., 1981. 246 б.
3. Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. 252 с.
4. Золотые ступени: Татарская поэтическая классика / Пер. с татарского Р. Бухараева. Научный консультант и послесловие Х.Ю. Миннегулова. Казань: Магариф, 2007. 231 с.
5. История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1055 с.
6. Коран / Перевод с арабского на уйгурский язык Мухаммеда Салиха. М.: Ладомир, 2002. 656 с.
7. Корни наши едины: из сокровищницы тюркских литератур (на татарском, русском, турецком языках, а также на языке оригинала) / Научный редактор Х.Ю. Миннегулов. Казань: Магариф-Вакыт, 2014. 311 с.
8. *Котб*. Хөсрәү вә Ширин / Поэтический перевод на современный татарский язык Р.Г. Ахметьянова. Научный редактор и автор вступительной статьи (с. 5–22) Х.Ю. Миннегулов. Казань: Магариф, 2003. 367 с.
9. *Котб*. Хөсрәү–Ширин хикаяте / Под редакцией Х.У. Усманова. В 2-х частях. Казань: Изд-во КГУ, 1969. 440 с. (На арабской графике).
10. Кыйссасел-әнбия тәржемәсе. Казан: Университет тәбыгханәсе, 1903. 475 б.
11. *Мәхмүд әл-Болгари*. Нәһжел-фәрадис / Әсәрне басмага әзерләүче Фәнүзә Нуриева. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 384 б.
12. *Миннегулов Х.Ю.* Восточная классика и татарская литература. Учебное пособие. Казань: Яз, 2014. 292 с.
13. *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и Восточная классика. Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. 384 с.
14. *Миннегулов Х.Ю.* «Дөнъяда сүземез бар...» (Мәкаләләр, чыгышлар, юльязмалар). Казан: Татар кит. нәшр., 1999. 336 б.
15. *Миңнегулов Х.Ю.* Котб ижаты (Творчество Кутба). Казань: Изд-во КГУ, 1976. 80 с.
16. *Миңнегулов Х.* Сәйф Сараи. Тормышы һәм ижаты: Монография. Казан: КДУ нәшр., 1976. 190 б.

17. *Наджип Э.Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Саифа Сарай и его язык. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1975. I часть. 208 с.; II часть. 301 с.

18. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.

19. *Сэйф Сарай.* Гөлестан. Лирика. Дастан / Басмага эзерләүче..., кереш һәм ахыргы мәкалә авторы Х.Ю. Миннегулов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 296 б.

20. Татар әдәбияты тарихына материаллар: Жәмжәмә солтан / Төзүчесе Хатип Госман. Кереш мәкалә. Тәнкыйди текст, сүзлек. Казан: Казан университеты нәшр., 1970. 68 б.

21. *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание / Издание (и перевод) подготовил С.Н. Иванов. М.: Наука, 1983. 558 с.

Дата поступления статьи

13.08.2015 г.

Сведения об авторе: Миннегулов Хатип Юсупович – доктор филологических наук, профессор, Казанский Федеральный Университет (420021, ул. Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация).

Для цитирования: Миннегулов Х.Ю. Проблемы властелина и государственности в литературе Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 158–181.

PROBLEMS OF RULER AND STATEHOOD IN THE GOLDEN HORDE LITERATURE

Khatip Minnegulov

Kazan Federal University,
2 Tatarstan Str., Kazan 420021, Russian Federation
E-mail: tatlit1103@mail.ru

Already in ancient and medieval times, the Turks and their ancestors – Proto-Turks – established their own states and accumulated considerable political and administrative experience in the management and administration of their own countries. Their activities in this field was conditioned by the historical reality. They have also been displayed, in varying degrees, in the written literature, in particular: in runic inscriptions and the writings of Yusuf Balasaguni, Yugneki, Kul Gali and other authors.

As is known, during two centuries of its existence, the Golden Horde left a deep mark in the statehood history and spiritual life of the peoples of Eurasia and even of the Northern Africa (Mamluk Egypt).

Various problems of social and spiritual life are reflected in the preserved written literature of the Jochid ulus. Issues related to the ruler and his relationship with

his subjects occupy an important place among these problems, as well as the problem of creating such a society, which would be reigned by “prosperity”, “happiness” and “justice”. Professor Kh.Yu. Minnegulov examines these questions by analyzing the works of such leading Turkish-Tatar writers and poets of the Golden Horde as: Rabguzi, Qutb, Khwarizmi, Mahmud Bulgari, Hisam Kyatib, Saif Sarayi, Ahmed Urgendzhi and others. The author points out that almost all the masters of the pen wanted the Lord being the ideal, perfect man (“Kamil Insan”) in every respect, especially fair, educated, morally mannered person. In their opinion, not the people but the sovereign should serve his subjects as a “shepherd” (“chuban”) and a “healer”. Some writings do not give preference to ordinary rulers, but to the reigning prophets (“Kyyssas al-Anbiya”, 1310; “Nahj al-Faradis”, 1358). In turn, in his poem “Jumjuma Sultan” (1369), the Sufi poet Hisam Kyatib even condemns and denies, to a certain extent, the “sultan’s power”.

The writers urge the Golden Horde rulers to mostly listen to the views of scholars and religious leaders and remind them of the transience of life, implacability of death, as well as of the need to leave behind a “good name”.

Keywords: Golden Horde, Saray, ancient Turkic literature, Islam, Turks, Tatars, Rabguzi, Qutb, Khwarizmi, Mahmud Bulgari, Hisam Kyatib, Saif Sarayi, Ahmed Urgendzhi.

REFERENCES

1. Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura Publ., 1998. 1392 p.
2. *Boryngy tərki hām tatar ədəbiyatynyñ chыganaklary*. Təzyçese Khatip Gosman. Fənni redaktorlary Kh. Miñnegulov. Kazan, Kazan State University Publ., 1981. 246 p.
3. *Golden Horde Civilization. Collected Papers*. Is. 3. Kazan, Fen Publ., 2010. 252 p.
4. *Zolotyє stupeni: Tatarskaya poeticheskaya klassika* [The Golden Scales: The Tatar Poetry Classics]. Per. s tatarskogo R. Bukharaeva. Nauchnyy konsul'tant i posleslovie Kh.Yu. Minnegulova. Kazan, Magarif Publ., 2007. 231 p.
5. *Istoriya tatar. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tatars. Vol. III. The Jochid Ulus (the Golden Horde). 13th – mid–15th centuries]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. 1055 p.
6. *Koran*. Perevod s arabskogo na uygurskiy yazyk Mukhammeda Salikha. Moscow, Ladomir Publ., 2002. 656 p.
7. *Korni nashi ediny: iz sokrovishchnitsy tyurkskikh literatur (na tatarskom, russkom, turetskom yazykakh, a takzhe na yazyke originala)* [Our Roots Are the Same: From the Treasury of Turkish Literature (in Tatar, Russian, Turkish, as well as in the original language)]. Nauchnyy redaktor Kh.Yu. Minnegulov. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2014. 311 p.
8. Kotb. *Khəsrəy və Shirin*. Poeticheskiy perevod na sovremennyy tatarskiy yazyk R.G. Akhmet'yanova. Nauchnyy redaktor i avtor vstupil'noy stat'i (s. 5–22) Kh. Minnegulov. Kazan, Magarif Publ., 2003. 367 p.
9. Kotb. *Khəsrəy–Shirin khikayate*. Pod redaktsiye Kh.U. Usmanova. V 2-kh chastyakh. Kazan, Kazan State University Publ., 1969. 440 p. (Na arabskoy grafike).

10. *Kuyssasel-ənbiya tərjəməse*. Kazan, Universitet təbygkhanəse, 1903. 475 p.
11. Мəкһмүд әл-Болғари. *Нəһжәл-фəradis*. Әсərne basmaga әzerләүче Fənyzə Nurieva. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2002. 384 p.
12. Minnegulov Kh. *Vostochnaya klassika i tatarskaya literatura. Uchebnoe posobie* [Oriental Classics and Tatar Literature. Textbook]. Kazan, Yaz Publ., 2014. 292 p.
13. Minnegulov Kh. *Tatarskaya literatura i Vostochnaya klassika* [Tatar Literature and Oriental Classics]. Kazan, Kazan State University Publ., 1993. 384 p.
14. Minnegulov Kh. «*Dən'yada syzemez bar...*» (*Məkalələr, chygyshlar, yul'yazmalar*). Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1999. 336 p.
15. Миннегулов Х. *Kotb iжəty (Tvorchestvo Kutba)* [Ouvres of Qutb]. Kazan, Kazan State University Publ., 1976. 80 p.
16. Миннегулов Х. *Səyf Sarai. Tormышы һәм iжəty: Monografiya*. Kazan, Kazan State University Publ., 1976. 190 p.
17. Nadzhip E.N. *Tyurkoyazychnyy pamyatnik XIV veka «Gulistan» Saifa Sarai i ego yazyk* [A Written Monument of the 14th century in the Turkic Language: "Gulistan" of Saif Sarayi and Its Language]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1975. I chast' 208 p.; II chast' 301 p.
18. Platon. *Gosudarstvo. Zakony. Politik* [State. Laws. A Politician]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 798 p.
19. Səyf Sarai. *Gəlestan. Lirika. Dastan*. Basmaga әzerләүче..., keresh һәм akhyrgy məkalə avtory Khatyur Minnegulov. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1999. 296 p.
20. *Tatar ədəbiyaty tarikhyna materiallar: Жəтəжəтə soltan*. Təzyчese Khatip Gosman. Keresh məkalə. Tənkyudi tekst, syzlek. Kazan, Kazan State University Publ., 1970. 68 p.
21. Yusuf Balasagunskiy. *Blagodatnoe znanie* [Beneficial Knowledge]. Izdanie (i perevod) podgotovil S.N. Ivanov. Moscow, Nauka Publ., 1983. 558 p.

Received August 13, 2015

About the author: Minnegulov Khatip Yusupovich – Dr. Sci. (Philology), Professor, Kazan Federal University (2 Tatarstan Str., Kazan 420021, Russian Federation).

For citation: Minnegulov Kh.Yu. Problems of Ruler and Statehood in the Golden Horde Literature. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 158–181.